

ВСЕ ЛИ МЫ ПОТЕРЯЛИ?

Для того, чтобы понять, что произошло в Москве в сентябре — начале октября, мы должны прежде всего отказаться от довлеющей над нашим сознанием схемы борьбы демократии с коммунистами. Конечно, среди поддерживавших Руцкого и Хасбулатова были коммунисты, как в этой пестрой компании были и фашисты, и монархисты, и анархисты, и либеральные демократы (не в духе Жириновского, а просто нормальные либеральные демократы). Но этот блок не был коммунистическим. Руцкой и Хасбулатов — сподвижники Ельцина в борьбе с Горбачёвым (как сам Ельцин был на еще более раннем этапе развития нашего революционного процесса сподвижником Горбачёва), парламент, который распустил Ельцин — это тот самый парламент, который привел его к власти и помог ему уничтожить Советский Союз. Бывшей же номенклатуры среди победителей «демократов» значительно больше, чем среди теперешних коммунистов. Но если это не борьба демократии с коммунизмом, то в чем же смысл и суть этой борьбы?

Вспомним, как развивались все революции — и английская, и французская, и наша первая революция. Все они шли по одной, имманентной им схеме — от либеральных реформ через демократию к диктатуре. При этом всякий раз, когда к власти приходила устанавливающая диктатуру революционная фракция, против нее боролась эклектическая коалиция всех «недобитых» — и революционеров предшествовавших этапов, и либералов, и страстных реакционеров — и эсеров, и меньшевиков, и кадетов, и черносотенцев. И при всем громадном своеобразии протекающего у нас процесса — это тоже революционный процесс, развивающийся по той же схеме.

Мы тоже прошли через демократию, не заметив этого и оказавшись неспособными, как это бывает с демократами при революциях, вовремя остановиться. Мы тоже были ослеплены страхом перед старыми врагами, уже бессильными, и более того, объективно, вне зависимости от своей идеологии, ставшими защитниками демократии, не заметив истинной опасности, идущей изнутри революционного лагеря, нового врага, незаметно выросшего за спиной. Автор данной статьи еще в августе и сентябре 1991 г. писал, что парламент обязательно будет разогнан Ельциным и демократию мы потеряем. И, видит бог, он бы отдал очень многое, чтобы оказаться неправым. Но к сожалению, все пошло по достаточно традиционной схеме, по десятки раз пройденному пути, и люди, как всегда, слепо шли по этому пути, ведущему все к той же яме.

Переворот произошел. Конституции — нет, Конституционного суда — нет. Свободы слова почти нет. Выборов — не будет, ибо выборы, в которых не будут участвовать коммунисты и сторонники разогнанного парламента — это не выборы. Будет прикрытая либеральной фразеологией диктатура определенной, наиболее рвущейся к рынку и приватизации и наиболее циничной части старой номенклатуры, без тени стыда перешедшей от «ленинских принципов» к молитвам перед чудотворной.

Это — содержание процесса. Теперь несколько слов о последних событиях, о том, как был осуществлен переворот. До воскресенья казалось, что Ельцин проигрывает. Применить силу для разгона парламента он не решался. И мировое и наше общественное мнение колебались. Регионы в основном были против. На

него оказывалось сильнейшее давление в сторону компромиссов. Но любой компромисс для него был подобен смерти. Он уже несколько раз замахивался на парламент и Конституцию и если бы отступил и на этот раз, над ним бы уже стали смеяться. Он был на той грани, когда поза, которая раньше воспринималась как героическая, начинает восприниматься как шутовская.

И тут пришло спасение — кровавое воскресенье. Мы явно никогда не узнаем всей правды об этой истории, как вообще «всей правды» узнать нельзя ни о чем (до сих пор выдвигаются новые, интересные и убедительные версии декабристского восстания). Но кое-что очевидно уже сейчас. Очевидно, что для правительства кровавая оргия обезумевших фанатиков была единственным шансом удержать власть, не «осрамившись» и не допустив одновременных выборов президента и парламента. А уж предпринимать какие-либо усилия для того, чтобы фанатики, заранее заказывавшие себе гробы, пролили кровь, и вовсе не было необходимости. Чуть-чуть задержались с помощью «Останкино», и весь мир воочию увидел, какая опасность нависла над страной.

Собственно, есть только два объяснения случившемуся: или чудовищная «халатность» правительства, безусловно, преступная, — или не бог весть какой сложный расчет, также безусловно преступный.

Мы должны понять, что сейчас мы — у последней черты. Дальше — конец всем завоеваниям перестройки и демократизации. Кроме одного завоевания — наворованных денег и номенклатурной приватизации. Мы уже начали соображать, что к чему, демократия уже пустила корни — это видно в сопротивлении далеко не одних коммунистов и фашистов ельцинским указам. Нам не дали стать людьми, стать не стадом, а народом.

Громадная вина здесь — на Западе. Или все эти Клинтонны и буши так же ничего не понимают, как легко дурачимый московский интеллигент, или за их позицией стоит рассуждение приблизительно такого типа: куда России демократия, какой у них может быть парламент и Конституционный суд? Самое лучшее — если у них будет диктатор, но наш, контролируемый. Но скоро они поймут, что Россия — не Чили и «контролируемого диктатора» здесь не будет. Что такое для своих соседей даже умеренно авторитарная Россия, они могут спросить у своего старого друга Шеварднадзе. А что будет авторитарная, они могут легко понять, просто экстраполировав уже наметившиеся наши внешнеполитические тенденции. Не только мы, но и наши соседи, да и сам Запад — у последней черты, за которой начинается третий период российского авторитаризма и империализма — расплата за всеобщую слепоту и беспринципность.

Этот период, очевидно, будет все же более «вялым», надеюсь, коротким и последним. Предотвратить его возможностей уже нет — они упущены. Есть только возможность смягчить его и сделать более коротким. Это зависит от нас, от нашего сопротивления, от нашего ума, от того, стали ли мы все-таки чуть больше гражданами за те годы свободы, которые у нас были, которыми полностью воспользоваться мы не смогли, но которые все же не смогли пройти даром. Мы потеряли почти все, но в ближайшие дни и недели станет ясно, потеряли ли мы и уважение к самим себе и своей стране.